

УДК 32.019.52

**Религиозные межнациональные установки населения
республик Северо-Кавказского федерального округа
Российской Федерации**

Дзутцев Хасан Владимирович

Доктор социологических наук, профессор,
начальник отдела Института социально-политических исследований РАН,
заведующий кафедрой социологии и социальных процессов,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46;
e-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Цгоева Фатима Бексолтановна

Кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН,
362005, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, просп. Мира, д. 10;
e-mail: vesna_alania@list.ru

Хетагурова Людмила Тотурбековна

Младший научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований РАН,
362040, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, просп. Мира, д. 10;
e-mail: lanagd@mail.ru

Габуева Анжела Руслановна

Аспирантка,

кафедра социологии политических и социальных процессов,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46;
e-mail: gabueva1988@mail.ru

Аннотация

Данная статья написана по материалам массового опроса населения СКФО РФ, проведенного в ноябре-декабре 2014 г. Северо-Осетинским центром социальных исследований и кафедрой социологии и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Объем выборки – 1400 человек.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзуцев Х.В., Цогоева Ф.Б., Хетагурова Л.Т., Габуева А.Р. Религиозные межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 4-5. С. 24-41.

Ключевые слова

Политика, безопасность, социальные институты, социальные неравенства, маргинальные группы, прожиточный минимум, традиционные общества, ценности, адаптация, современность.

Введение

Прикладная социология дает возможность на основе эмпирических исследований развернуто объяснить суть вскрываемых социально-экономических и политических проблем в республиках СКФО РФ на том или ином этапе их развития. И одна из этих проблем – религиозные и межнациональные установки в

этом конфликтном регионе. В условиях сосредоточения на Северном Кавказе различных национальных и религиозных групп экономический кризис является главным фактором усиления межнациональной и межконфессиональной напряженности. Он создает здесь благоприятную почву для дестабилизации политической ситуации в интересах отдельных зарубежных стран, в частности – для распространения радикального ислама.

Актуальность данной проблемы в регионе обусловлена в первую очередь межнациональной и межконфессиональной напряженностью и непредсказуемостью, которые способны выйти из латентного состояния, и крайней ограниченностью научных знаний о ее подлинных причинах. Эмпирический материал дает картину поведения как отдельных личностей, так и этнических групп исследуемого региона. Данный материал позволяет проанализировать характер религиозных ценностей как автохтонной, так и русской и русскоязычной части населения республик СКФО, влияние этих ценностей на взаимодействие индивидов внутри религиозных и этнических групп и межгрупповые отношения. В связи с этим главной задачей является изучение религиозной ориентации в конкретном обществе и воздействия религиозных течений на социальное поведение людей, на социокультурную динамику общества.

Религиозные межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа

Население республик СКФО в подавляющей массе живет в сельских населенных пунктах или малых городах, которые по существу своего уклада и образу жизни мало чем отличаются от сельских, с характерным преобладанием аграрного сектора экономики и опорой на традиционные способы социокультурной регуляции и доминирования недемократических форм политической организации социума. Общинная форма социальной организации, возникшая на основе кровнородственных или соседских связей и отношений, характеризуется коллективным поведением населения и определяет уровень религиозности и ее влияние на социально-политическую жизнь социума, что во многом обуславливает соблюдение большей частью населения основных религиозных

обрядов. Религиозные обряды воспринимаются обществом как форма социальной сплоченности на основе общих символов, ценностей и норм. С другой стороны, они способствуют усилению социального контроля со стороны общества, вносят в повседневную жизнь социума некий смысл человеческих взаимоотношений. Мерилом приверженности человека к тем или иным религиозным догматам считается знание им истории религии, к которой он себя причисляет. Иногда люди приписывают себе бóльшую религиозность, чем это есть на самом деле, что наглядно видно из материалов наших опросов.

Чрезвычайно актуальным для нормального социально-экономического и политического развития республик СКФО является изучение масштабов распространения религиозного течения ваххабизм, являющегося мощным фактором идейно-политической жизни определенной части населения Северного Кавказа, и определение возможности прогноза развития религии и дальнейшей необходимости введения религиозного образования в школах. Важным аспектом в исследовании было также выявление социальных слоев общества, поддерживающих данное религиозное течение. Социальные проблемы, одной из которых является тотальная безработица в республиках СКФО, породили еще одну проблему – усиление напряженности межнациональных отношений. Данная проблема также рассматривается в аспекте воздействия объективных и субъективных факторов. С учетом того, что для граждан Северного Кавказа более характерно коллективное поведение, важно было выяснить, насколько здесь развиты такие демократические формы, как акции протеста, и выявить причины противоборства. Объектом исследования являются национальные республики Северного Кавказа, входящие в Северо-Кавказский федеральный округ России: Республика Адыгея (РА), Республика Дагестан (РД), Республика Ингушетия (РИ), Карачаево-Черкесская Республика (КЧР), Республика Северная Осетия-Алания (РСО-А), Чеченская Республика (ЧР). Предметом исследования является изучение религиозных и межнациональных установок жителей названных республик в разрезе следующих признаков: демографические признаки, образование, национальность, тип населенного пункта.

Основная задача данной статьи заключается в исследовании конкретной проблемы: изучение религиозных установок населения республик СКФО РФ.

Подавляющая часть граждан СКФО – это последователи ислама и люди, придерживающиеся православной веры. Мировоззренческая политика ислама ориентирована на коллективное поведение, что сильно сдерживает социальную активность мусульманской части населения Северо-Кавказского федерального округа, тогда как христианская постоянно занята выработкой мировоззренческой концепции личности. Христианство ориентирует людей на постоянные модернизационные процессы; ислам выступает как религия повседневной жизни, удерживающая от изменений восстановление общинной (деревенской) идентичности в противоположность персональной или национальной идентичности. Но если говорить утилитарно, то есть с точки зрения выгоды, извлечения пользы в общем, то это цивилизационная проблема.

Мировая политика, связанная прежде всего с физической безопасностью мирового сообщества, плюс негативное влияние продолжительной структурной и организационной трансформации экономической жизни стали следствием отторжения населения республик СКФО РФ от определенных типов работ, которые обеспечивали рынок труда, отдельных потребительских товаров, нормальных жилищных условий, социального обеспечения, политических и социальных прав и правозащиты, а также от возможности представительства своих интересов. В итоге все эти социально нереализованные проблемы выливаются не столько в индивидуально-личностные детерминанты (например, неумение или персональные неудачи), сколько в социальные (главным образом в неправильное функционирование социальных институтов, ответственных за интеграционный процесс). Вместе эти институты превращаются в главное препятствие на пути содействия интеграции индивидов и групп в общество. Социальное неравенство больших групп людей приводит к возникновению маргинальных групп, вытесненных на периферию основного общества. В некоторых республиках Северного Кавказа 70% от работающей части населения находятся в состоянии скрытой безработицы, то есть люди работают, но зарплата ниже прожиточного минимума.

В данной работе представлен анализ ситуации в республиках СКФО, в том числе и Республики Адыгея, так как в период проведения исследования (2008-2009 гг.) наряду с северокавказскими республиками она входила в состав ЮФО

РФ. В настоящее время (на основании Указа Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г.) создан Северо-Кавказский федеральный округ, в состав которого Республика Адыгея не вошла. Но полученные результаты по Республике Адыгея в данной работе автором были включены для получения более полной картины, и далее она будет упоминаться наряду с республиками СКФО.

Происходит медленное сокращение сельского населения в республиках СКФО. За 35 лет оно сократилось в РА всего на 13% (то есть в 1970 г. сельское население в этой республике составляло 60%, а в 2005 г. – 47%). Соответственно в КЧР – на 9% (с 67 до 56%), в КБР – на 11% (с 52 до 41%), в РСО-А без изменений (35%), в РИ – на 1% (с 58 до 57%), в РД на 8% (с 65 до 57%). В ЧР, наоборот, произошло увеличение сельской части населения на 8% (было 58%, стало 66%). В таком промышленно развитом регионе, как Волгоградская область, сельское население в 1970 г. составляло 34%, а в 2005 г. – 25%.

Структура, при которой сельское население остается в большинстве по сравнению с городским, когда аграрный сектор преобладает над промышленным, является для большей части населения республик СКФО опорой. Это структура традиционных способов социальной регуляции и доминирования недемократических форм политической организации социума.

Часть населения республик СКФО воспринимает современные модернизационные процессы как отрицание традиционного, при котором происходит формирование индивидуальной личности, то есть самостоятельного человека. Расцвет индивидуализма связан с утверждением частной собственности и способности к самостоятельному осуществлению собственной инициативы, опорой на собственные силы, самостоятельное достижение собственных целей, пусть даже за счет интересов других людей, личной ответственности за собственное, частное дело, исполнение гражданского долга. Тот случай, когда традиционные структуры и ценности способны создать индустриальный каркас и ценностно-мотивационную основу для осуществления успешной модернизации и способствовать мобилизации общества на решение задач глубокой социально-экономической трансформации, не был реализован, потому что далеко не все традиционные институты СКФО достаточно адаптивны и способны функционировать в условиях современности.

К сожалению, политическая элита республик СКФО упустила такой шанс. Она не переняла опыт тех стран, где социально-экономическая модернизация осуществлялась не вопреки и не вместо, а на основе традиционных ценностей и с использованием традиционных институтов и структур. Они переняли архаические формы правления и всячески поддерживают национально-культурные и общественные организации («Стыр Ныхас»), основанные на идеологии, согласно которой «идеальные общества были в прошлом» и их надо развивать и поддерживать. В итоге систематическое нагнетание темы этнического превосходства привело к агрессивной политизированной этничности, этносепаратизму и межэтническим конфликтам. В результате на Северном Кавказе была создана почва для формирования этнического радикализма, когда политическая борьба за создание собственного национального государства переходит за границы легитимности и приобретает насильственные формы. «Национальные лидеры» создают в лице соседа образ врага, тем самым этнос превращается в субъект политики.

Как правило, этнический радикализм базируется на религиозном радикализме. Стремление некоторых политиков республик СКФО использовать религию в собственных политических интересах приняло масштабный характер. Возрождение и усиление радикального ислама во многом были возможными после разрушения ментальности (кризис идентичности «гражданин СССР»). В итоге это привело северокавказское общество (независимо от религиозной принадлежности) к архаике. Одни народы начали возрождать казачество, другие – внедрять языческие культы, третьи – ислам. Поскольку не стало развитой экономики, где труд вознаграждается, вернулись к архаической системе ценностей (например, представление о «месте», отводимом женщине в мусульманском обществе, и т.д.). Налицо отсутствие новой идеологии, отвечающей потребностям основной массы граждан новой России после распада СССР, и неспособность бывшего советского общества самому выработать единое мнение и донести его до властных структур.

При таком положении дел власть не может знать основные потребности общества. Отсутствие правового пространства в РФ привело к обогащению за счет народа небольшой кучки людей, которые в угоду своим личным ин-

тересам отодвинули на второй план общественные. В обществе существует следующее мнение: наша страна не правовая, потому что российский человек не приемлет писаного закона.

Это просматривается даже в элементарных вопросах. К примеру, гражданин, живущий в центре Владикавказа или другом городе СКФО, может без соответствующего разрешения строиться чуть ли не на тротуаре, водители личного и общественного автотранспорта не соблюдают правила дорожного движения. Закон нарушается на каждом шагу, причем даже той частью населения, которая по долгу службы должна требовать соблюдения законодательства РФ, но на деле является первым нарушителем. Причин этому много, но главная и определяющая – низкий уровень культуры, интеллекта, образованности. Возможно, причина и в том, что в западной культуре законы рождались из самой жизни и гармонично вписывались в психологический склад народа. Готовые же законы Европы, искусственно перенесенные на российскую почву, не приживались, и по сей день не выработаны самобытные формы власти, которые были бы приемлемы для народов РФ с учетом их ментальности.

В итоге продолжительных заимствований мы потерпели катастрофическое поражение. Понимая это, легко понять то, что происходит сегодня в социальной, экономической и политической жизни народов, включая религиозность. Проанализировав, необходимо понять то, какие силы в стране препятствуют поступательному движению республик СКФО, что необходимо предпринять, чтобы вписаться в глобальную экономическую жизнь. К примеру, в обществе должно созреть понимание того, что нам не нужны «специалисты», ориентированные не на труд, а на праздный образ жизни, принимающие по незнанию любую чуждую идеологию. Молодые люди, не задумывающиеся о том, что с ними будет завтра, не несущие ответственность перед родителями, обществом, способны принять любую идеологию, в том числе реакционные религиозные верования. Потеря нравственных ценностей предыдущих поколений приводит нынешних молодых людей Северного Кавказа к традиционным мусульманским и языческим ценностям – к религии, представители которой хотят реализовать стоящие перед ними задачи, вплоть до политических (создание собственного государства) и т.д. Моральное и социально-психологическое состояние обще-

ства после распада СССР определялось общим представлением о перспективе социума, общими ожиданиями, возможностью сохранения ценностного единства народа, стремлением к общению, выработкой идейных основ общества.

Находясь в идеологическом вакууме в 90-е годы XX века, люди обратили свои взоры к религии как к социальному институту, включающему верование и практику, основанные на представлении о сакральном. Религия в постсоветский период в республиках СКФО стала механизмом по объединению людей с помощью общих символов, ценностей и норм. Религиозные лидеры обещали гражданам установить правила «честной игры», благодаря которым возможна организованная жизнь общества. На Северном Кавказе религиозные идеи способствовали некритическому принятию новых лозунгов. В итоге граждане оказались на грани социальной катастрофы с трагическими последствиями и потрясениями, которые повлекли за собой резкий перелом в личной и общественной жизни огромной части населения республик СКФО, произошедший в период кризиса власти и федеральных отношений в 90-е годы XX века.

Поражение РФ в Первой чеченской войне (декабрь 1994 г.) и обострившиеся отношения между центром и регионами грозили разрушить сформировавшиеся федеративные связи. Главной угрозой федерации стал чеченский сепаратизм. Идеологический вакуум, образовавшийся в обществе, в определенной степени был заполнен распространением религиозных взглядов. Это усиливало воспитательную, мировоззренческую и социальную роль религии. В середине 2007 г. в Дагестане действовали 1910 мечетей и молитвенных домов. Это на 124 больше, чем в 2005 г. На один только город Махачкалу приходится 43 мечети. Строительство такого количества культовых зданий стало возможным благодаря пожертвованиям простых граждан, но, по оценкам экспертов, большинство из них строилось на средства чиновников и депутатов Законодательного собрания республики, которые, незаконно занимаясь бизнесом, таким образом замаливали свои грехи. И это в то время, когда школы без ремонта, света и отопления! Для сравнения: в Северной Осетии христианских храмов всего 14, а православной веры придерживается 80% населения. Количество религиозных организаций растет не только в Дагестане. Так, только в одной маленькой Ингушетии действуют 12 медресе и один исламский инсти-

тут. Число посещающих занятия превышает 400 человек. Исламизация затронула в этой республике все сферы жизни и все слои общества.

Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждой республике в январе и феврале 2010 г. был проведен репрезентативный опрос жителей. Целесообразный объем выборки составил 500 респондентов и 5 экспертов в каждой республике. Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, то есть обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Общий объем выборки для семи республик составил соответственно 3500 респондентов (из них 50% – коренное население и 50% – русские и русскоязычные) и 35 экспертов. Для проведения опроса в каждой республике выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам.

Материалы массового опроса в республиках СКФО свидетельствуют о том, что процент «безусловно соблюдающих» религиозные обряды довольно высок у чеченцев (71,4%) и ингушей (54,5%) (таблица 1). У народов РД этот показатель на порядок ниже (25,5%). И это при том, что на Северном Кавказе больше всего мечетей и молитвенных домов в Дагестане. Сравнительно невысок процент «безусловно соблюдающих» у осетин (18,4%), еще меньше у кабардинцев, балкарцев (17%) и почти такой же у адыгейцев (16,9%). Примечательно, что самый низкий процент «безусловно соблюдающих» основные религиозные обряды у карачаевцев, черкесов (15,3%) – ниже, чем у местных русских и русскоязычных (21,1%). Более привержены вере из числа русского и русскоязычного населения республик Северного Кавказа в Ингушетии (55,6%).

Обращает на себя внимание то, что каждый второй ингуш (54,5%) и каждый второй русскоязычный из РИ (55,6%) следуют основным обрядам. В то же время при достаточно высоком уровне «безусловно соблюдающих» обряды у чеченцев этот показатель сравнительно низок у русских и русскоязычных, проживающих в ЧР (38,0%), хотя по сравнению с другими республиками (РА, КЧР, КБР, РСО-А, РД) он относительно высок. Весьма низок процент соблюдающих основные религиозные обряды среди русских и русскоязычных в РД – 4,6%. Обращает на себя внимание то, что там, где титульная нация активна в соблю-

дении религиозных обрядов, также активна и русскоязычная часть населения. Второй вариант ответа «скорее да» распределился почти равномерно среди всех республик Северного Кавказа, причем как титульной нации, так и русских и русскоязычных: 39,6% – осетины, 34,1% – русскоязычные в РСО-А; 36,1% – адыгейцы, 40,1% – русскоязычные в РА; 32,7% – ингуши, 27,8% – русскоязычные из РИ. Самый высокий процент «скорее соблюдающих» у карачаевцев и черкесов – 47,2%, у русских и русскоязычных из КЧР он также достаточно высок – 33,7%.

Каждый второй адыгеец «скорее не соблюдает» основные религиозные обряды (44,6%). Примерно одинаковое число набрали кабардинцы, балкарцы (32,7%) и карачаевцы, черкесы (30,6%), с небольшим отставанием за ними следуют народы РД (28,5%), осетины (25,5%); низкий процент «скорее не соблюдающих» основные обряды наблюдается у ингушей (11,8%), меньше всего «скорее не соблюдающих» среди чеченцев (2,6%). Среди русского и русскоязычного населения республик Северного Кавказа, «не соблюдающего основные религиозные обряды», примерно одинаковое число в КБР (32,3%), РА (30,7%), РСО-А (30,6%), РД (30,1%); чуть ниже этот показатель в ЧР (25,3%). Интересно, что среди русских и русскоязычных респондентов из РИ нет таких, которые бы «скорее не соблюдали» основные религиозные обряды.

Самый высокий процент тех, кто «безусловно не соблюдает» основные религиозные обряды, у народов РД (6,7%), за ними следуют карачаевцы, черкесы (5,6%), кабардинцы, балкарцы (4,7%), осетины (4,2%), адыгейцы (1,2%). Заметим, что «безусловно не соблюдающих» основные религиозные обряды не оказалось среди респондентов-чеченцев и ингушей, что свидетельствует о высоком уровне религиозности населения в этих северокавказских республиках. Самый высокий процент «безусловно не соблюдающих» основные религиозные обряды среди русских и русскоязычных в РД (15,6%), в РСО-А (11,8%), в РА (9,0%), самый низкий – в ЧР (2,5%).

Затруднились ответить на вопрос или отказались от ответа 14,5% респондентов из РД, поровну (12,3%) набрали титульные нации РСО-А и КБР, самыми активными респондентами оказались ингуши и чеченцы. Среди русского и русскоязычного населения северокавказских республик более всего «затруд-

нились» или отказались отвечать на вопрос респонденты из РД (19,1%), КБР (14,5%), КЧР (11,6%), РСО-А (11,8%) и РИ (11,1%).

Как показывают материалы исследования, самый высокий процент соблюдающих религиозные обряды среди коренного населения в Ингушетии, Чеченской Республике и Дагестане. Русские и русскоязычные, соблюдающие религиозные обряды, живут в Ингушетии и Чечне.

Мнения экспертов на поставленный вопрос неоднозначны. Одни эксперты признаются, что не ориентируются в религиозных обрядах, но стараются их соблюдать, потому что так принято в том месте, где они проживают. Причем некоторые соблюдают и мусульманские, и православные обряды, потому что в семьях есть и те и другие. Часть экспертов, которые не могут назвать себя глубоко верующими, в каких-то ситуациях мысленно обращаются к Богу, ходят в церковь, но обряды не совершают. Но есть и такие, которые считают себя верующими, стараются соблюдать основные религиозные обряды, обязательно посещают воскресную службу. Многие эксперты не соблюдают обряды и считают, что их придерживаются в СКФО только мусульмане. Но если даже в некоторых республиках их соблюдают, считают эксперты, это носит тем не менее формальный характер. Есть среди тех, кто соблюдает религиозные обряды, такие, кто это делает чисто по инерции, от всего сердца их мало кто соблюдает.

Материалы опроса свидетельствуют: религиозные обряды среди автохтонной части населения соблюдаются главным образом в селах КБР, РИ, РСО-А, ЧР. Наиболее религиозными среди русских и русскоязычных являются сельчане РД, РИ, РСО-А и ЧР. Многие исследователи обращают внимание на то, что ислам для некоторых северокавказских народов оказался важнейшей составной в национальной идентификации. Быть чеченцем или ингушом – значит быть мусульманином.

В этих республиках стадия «легализации» ислама (1987-1989 гг.) отмечена признанием того, что ислам не исчерпывается ритуально-церемониальной, народной формой, произошёл переход от парадигмы ислама как набора «отмирающих пережитков» к парадигме же ислама как признанной культуры и специфики в духовной и традиционной сферах. При этом акцент делался на возрождении ислама как культурной отличительности, что обосновывалось в

либерально-демократическом ключе как стремление к восстановлению одной из важнейших составных «гражданской» культуры.

В процентном отношении можно прогнозировать рост посещаемости респондентами и населением мусульманских мечетей и христианских храмов. В итоге материалы массового и экспертного опросов свидетельствуют о том, что после 90-х годов XX века произошел всплеск интереса к религиозной обрядности, но можно сказать, что сегодня республики СКФО и Россия в целом в большей степени придерживаются языческой веры. Разве в государстве, где вера сильна, возможно было бы снести хоть одну церковь, мечеть? Мало того, когда в поздний советский период церкви и мечети уже не сносили и разрешали восстанавливать, никто ничего не восстанавливал, и храм Христа Спасителя восстановили за счет денег городского бюджета Москвы и бизнеса (воровского бизнеса, что по религиозным канонам запрещено); такая же ситуация была и в республиках СКФО.

Можно спрогнозировать: если в республиках СКФО снизится безработица (будут созданы рабочие места), интерес к религиозной обрядности упадет. Большое значение имеет также оторванность, особенно православных церквей, священнослужителей от населения в поддержке морали. Создается впечатление, что они сами не знают, как строить свои отношения с населением. Обществом хорошо воспринимается то, что служители западной церкви открыты для общения. К священнику можно обратиться в любое время (и днем, и ночью) и попросить о помощи. Священники в церковном облики спокойно ходят по улице, доступны для населения, к ним можно подойти, побеседовать, то есть священнослужители проводят определенную работу с населением по поддержке морали. В РФ такую работу тоже проводят, но с телеэкрана.

По республиканским телеканалам мусульманским духовенством читаются длинные проповеди. После некоторых из них телезрители имеют возможность задать вопрос в прямом эфире. Как правило, поднимаются бытовые темы: отношения супругов, правила намаза и т.д. В повседневной жизни муллам оказываются всяческие почести, но «беседы по душам» не практикуются, так как они дистанцируются от своей паствы. Население в ответ неукоснительно соблюдает это правило.

Заключение

Результаты социологического исследования «Религиозные и межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ» позволяют сделать следующие выводы: соблюдение религиозной обрядности подавляющей частью общества – дань образу жизни населения, которое помогает преодолевать невзгоды в сложных экономических условиях. Сам характер религиозной обрядности, ее массовость способствуют социальной сплоченности и организованности общества. Результаты эмпирических исследований демонстрируют степень эмоциональности индивида в вере, поэтому можно говорить о том, что тенденция посещения населением мусульманских мечетей и христианских храмов в будущем сохранится. В то же время рост материального благосостояния граждан может снизить интерес к религиозной обрядности.

Библиография

1. Андреева Л.А. «Местник Божий» на царском троне: Христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории. М.: Международный фонд христианского просвещения, 2002. 105 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. 816 с.
4. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: РОССПЭН, 2012. 734 с.
5. Дробижева Л.М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности: пример российских республик // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. С. 115-128.

6. Зайферт А.К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в ее евроазиатском регионе. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2002. 50 с.
7. Зудин А.Ю. Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 6779.
8. Иванов В.Н. Россия федеративная (кризис и пути преодоления). М., 1999. 384 с.
9. Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX-XI веках. СПб.: Алетейя, 2008. 184 с.
10. Малашенко А.В. Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007. 192 с.
11. Религия и глобализация на просторах Евразии. М.: Неостром, 2005. 343 с.
12. Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. М.: Экслибрис-пресс, 2000. 365 с.
13. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Восточная литература РАН, 2001. 305 с.

Interethnic and religious attitudes of the population of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation

Khasan V. Dzutsev

Doctor of Sociology, professor,
Department head at the Institute of Social and Political Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of sociology and social processes,
Khetagurov North Ossetian State University,
362025, 44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania,
Russian Federation;
e-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Fatima B. Tsogoeva

PhD in Sociology, senior researcher,
Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences,
362040, 10 Mira avenue, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania,
Russian Federation;
e-mail: vesna-alania@list.ru

Lyudmila T. Khetagurova

Junior researcher,
Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences,
362040, 10 Mira avenue, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania,
Russian Federation;
e-mail: lanagd@mail.ru

Anzhela R. Gabueva

Postgraduate student,
Department of sociology and social processes,
Khetagurov North Ossetian State University,
362025, 44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania,
Russian Federation;
e-mail: gabueva1988@mail.ru

Abstract

The article deals with interethnic and religious attitudes of the population of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. The authors of the article use the results of the large-scale survey conducted by the North Ossetian Centre for Social Research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences and the Department of sociology and social processes of Khetagurov North Ossetian State University in November and December of 2014. The sample size is 1400 people. The results of the survey have revealed the following: the observance of religious rites by the overwhelming majority of the population is a tribute to the people's way of living that helps them to overcome

adversity in challenging economic conditions. The very nature of religious rites contributes to social cohesion. The results empirical studies demonstrate the degree of emotionality of an individual in faith, therefore, the authors of the article think that the population will continue to go to Muslim mosques and Christian churches.

For citation

Dzutsev Kh.V., Tsogoeva F.B., Khetagurova L.T., Gabueva A.R. (2015) Religioznye mezhnatsional'nye ustanovki naseleniya respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii [Interethnic and religious attitudes of the population of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 4-5, pp. 24-41.

Keywords

Politics, security, social institutions, social inequalities, marginalized groups, cost of living, traditional societies, values, adaptation, modernity.

References

1. Andreeva L.A. (2002) *"Mestnik Bozhii" na tsarskom trone: Khristianskaya tsivilizatsionnaya model' sakralizatsii vlasti v rossiiskoi istorii* ["God's Vicar" on the throne: The Christian civilizational model of power sacralization in Russian history]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond khristianskogo prosveshcheniya Publ.
2. Bauman Z. (2001) *The individualized society*. Cambridge: Polity Press. (Russ. ed.: Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos Publ.)
3. Drobizheva L.M. (2007) *Vozmozhnost' sovместimosti grazhdanskoi i etnicheskoi identichnosti: primer rossiiskikh respublik* [The possibility of compatibility of civil and ethnic identities: exemplified by Russia's republics]. In: *Natsional'no-grazhdanskie identichnosti i tolerantnost'. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformatsii* [National and civil identities and tolerance. The experience of Russia and Ukraine in the transformation period]. Kyiv: Institut sotsiologii NAN Ukrainy; Institut sotsiologii RAN, pp. 115-128.
4. Dzutsev Kh.V. (2012) *Etnosotsiologicheskii portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii* [The ethno-sociological por-

- trait of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation]. Moscow: ROSSPEN Publ.
5. Gudkov L.D. (2004) *Negativnaya identichnost'* [Negative identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; VTSIOM-A Publ.
 6. Ivanov V.N. (1999) *Rossiya federativnaya (krizis i puti preodoleniya)* [Russia as a federal state (the crisis and ways of overcoming it)]. Moscow.
 7. Karpov A.V. (2008) *Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie: religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX-XI vekakh* [Paganism, Christianity, dual faith: the religious life of the ancient Russian people in the 9th – 11th centuries]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
 8. Malashenko A.V. (2007) *Islam dlya Rossii* [Islam for Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ.
 9. Radcliffe-Brown A.R. (1952) *Structure and function in primitive society*. Glencoe, Illinois: The Free Press. (Russ. ed.: Redkliff-Braun A.R. (2001) *Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ.)
 10. *Religiya i globalizatsiya na prostorakh Evrazii* [Religion and globalization in Eurasia] (2005). Moscow: Neostrom Publ.
 11. *Religiya i politika na rubezhe dvukh tysyacheletii* [Religion and politics at the cusp of two millennia] (2000). Moscow: Ekslibris-press Publ.
 12. Seifert A.C. (2002) *Zur Vereinbarkeit von politischem Islam und Sicherheit im OSZE-Raum*. Nomos Verlagsgesellschaft. (Russ. ed.: Zaifert A.K. (2002) *Faktor islama i strategiya stabilizatsii OBSE v ee evroaziatskom regione*. Moscow: Tsentr strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Publ.)
 13. Zudin A.Yu. (2007) Traditsionalizatsiya i ukorenenie politicheskikh innovatsii: k postanovke problemy [Social sciences and modernity]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Traditionalization and entrenchment of political innovation: on defining the problem], 4, pp. 6779.